

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 83.3

С.А. Губанов

БЛОЧНЫЙ ЭПИТЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Рассматривается блочный эпитет в цветаевском идиолекте, характеризуются варианты вербализации структурных схем блочных эпитетов в текстах М. Цветаевой и их уникальная семантика. Устанавливается, что использование блочного эпитета поэтом позволяет многоаспектно описать ситуацию, объект или лицо, развернуто актуализировать образные и окказиональные семы прилагательного, делает образ наглядным и объемным. Осмысление реалии М. Цветаевой происходит очень эмоционально, неожиданно, поэтому предпринята попытка описать основные типы конфигурации блочного эпитета.

Ключевые слова: эпитет; Марина Цветаева; метонимия; дискурс; идиолект; блочный эпитет.

Остановимся на характеристике так называемого блочного эпитета/эпитетного комплекса (эпитет + определяемое слово) на примере творчества М. Цветаевой. Сам термин введен нами для адекватного описания спаянного признакового высказывания в художественном тексте [1]. Наличие блока эпитетов, его регулярное конструирование составляют специфическую черту идиостиля поэта.

Блочный эпитетный комплекс – это стилизованный под фольклорную эпифразу единый лексико-синтаксический блок, включающий определяемое слово и эпитет, в том числе распространенный, дающий многоаспектную характеристику объекту. Компоненты блока характеризуются цельностью семантики составляющих компонентов словосочетания, их тесной спаянностью. Наиболее часто употребление блочного эпитета в фольклорных произведениях М. Цветаевой:

А сугробы подаются, // Скоро расставаться. // Прощай, вьюг-твоих-приютство, // Воркотов – приятство [2. С. 236]. Такие эпифразы графически фиксируются посредством дефиса, подтверждая тем самым единое значение компонентов. В данном примере перед нами характеристика зимы и вьюги посредством отсылки к образу уюта, волшебства, счастья. Определяемое слово опущено, а три объединенных дефисами компонента представляют собой аппозитивный эпитет (приложение с зависимыми словами). В других случаях такие выражения объединяют эпитет и определяемое слово (*кровь-твоя-кровца, поклон-тот-не-послан, к чаше-идеешь-причастию*).

Стоит отметить, что такого типа эпитет практически не был объектом особого внимания лингвистов. Предлагаемый нами термин «блочный эпитет» отражает его структурную особенность – спаянность его компонентов в единое высказывание. Рассматриваемый тип эпитета частично затрагивался в работе О.П. Лопутько [3], а также в диссертации А.В. Громовой [4]. В последней работе близким к блочному эпитету является конфигурация прилагательных, именуемая адъективами с актуализированной семантикой. Как правило, блочный эпитет растворяется в понятии «постоянный эпитет», но отличие блока адъективов состоит в том, что его компоненты не являются застывшими и формульными. Лишь по форме будучи стилизованными под фольклорные эпитеты, они по

содержанию глубоко индивидуальны, компоненты их окказиональны по своей семантике.

Приведем систематизацию выявленных нами блочных эпитетных комплексов по характеру морфологического состава их компонентов и семантике.

Базу для блочного эпитета составляет аппозитивное словосочетание, включающее определяемое слово и эпитет-приложение, особенно характерные для «фольклорного» цикла произведений М. Цветаевой. В составе эпифраз такого рода, как правило, находятся образные слова, близкие по значению, выполняющие функцию характеристики объекта / реалии / лица:

Смотрит: не шелк-янтарь – мусор-товар [2. С. 359]; *филин-сова* [Там же. С. 388]; *У Царицы – семь покоев / Стены все в сетях-тенетах, / Колокольчиках-звонках* [Там же. С. 371]; *Я, твой лодырь, // Твой холоп-лысолоб!* [Там же. С. 361]; *Две слезы-соперницы // В одну слились* [Там же. С. 392]; *Гусли, гусли-самозвоны... гули, гусли-самогуды...* [Там же. С. 379]; *То пророчица великих разлук: // Совоплакальщица, филин-сова* [Там же. С. 388]; *Что за притча? Что за гость-за-сосед: / Не то в латы, не то в ризы одет!* [Там же. С. 341].

Иногда эпитеты-аппозитивы очень близки по семантике, почти синонимичны, что отражает их сходство с собственно фольклорными аппозитивными клише:

Прощай, мой праведник-монах! / Все яростней разлет-размах, / «Мой персик-абрикосик!» [Там же. С. 378]. Встречается и четырехкомпонентный комплекс: *Вихрь-жар-град-гром была, – // За все наказана* [Там же. С. 399].

Функция эмоциональной характеристики объекта выступает для блочного эпитетного комплекса основной. Наиболее частотными являются блочные эпитеты с первым компонентом *жар* (22) и *царь* (15).

Необходимо отметить, что данные двукомпонентные выражения могут трактоваться и как аппозитивы, но в силу их разноплановой семантики (суммарной, признаковой) и окказиональности причисляются нами к блочным эпитетным комплексам.

Фразеологичное фольклорное выражение *жар-птица* послужило своеобразным шаблоном, матрицей для конструирования М. Цветаевой таких блочных эпитетов, как: *на жар-груды* [Там же. С. 370]; *жар-девица* [Там же. С. 352]; *жар-корабль* [Там же. С. 344,

361]; *жар-платок* [Там же. С. 358]; *жар-самовар* [Там же. С. 362].

Сочетание *Царь-Девушка*, обозначение главного персонажа и название поэмы, становится базой для образования аппозитивов-эпитетов с первым компонентом *царь*: *царь-буря* [Там же. С. 577]; *царь-дурак* [Там же. С. 601]; *царь-город* [Там же. С. 579]; *царь-мой-лебедь* [Там же. С. 588]; *царь – кумашный нос* [Там же. С. 598]; *царь-парус* [Там же. С. 591]; *царь-хитростник* [Там же. С. 372] и др.

Именной эпитетный комплекс может содержать и экспрессивно-восклицательную частицу, которая усиливает эмоцию: *Что за притча? Что за гость-за-сосед? // Не то в латы, не то в ризы одет!* [Там же. С. 353].

Как уже говорилось, синтаксическая база блочных эпитетных комплексов – сочетание основного слова-субстантива и приложения. На этой базе возникают более сложные эпитетные комплексы с нарушением контактного расположения определяемого слова и эпитета. Дистантность компонентов эпифразы создается в одних случаях глаголом-сказуемым, «вклинивающимся» между компонентами эпифразы, в других – местоимением-определением или местоимением-дополнением и т.д. Чтобы сохранить единство эпифразы, М. Цветаева использует дефис как графическое средство обозначения ее цельности.

Рассмотрим разновидности более сложных структур блочного типа.

1.1. Блочный эпитетный комплекс с глагольным компонентом (44 единицы).

Каторжник койку-обрел-тепльнень. // Пасынок к матери в дом – аминь [Там же. С. 362]; *Как дождичком-бьет-серебром* [Там же. С. 406]; *И снова туман-всколыхнулся-фата* [Там же. С. 405]; *Об одном лишь... Грусть-схватила-жалеть* [Там же. С. 413]; *Не орел с орлицей / В спор-вступили-схват* [Там же. С. 414]; *Заработали тут струночки-прислужницы, // Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки* [Там же. С. 387]; *Лик-наклоняет-солнце // На белое солнце* [Там же. С. 418].

Данный тип блочного эпитета можно рассматривать как разновидность предыдущего типа, так как он представляет собой сочетание определяемого слова и приложения, находящихся не в контактной, а в дистантной позиции.

Построение блочного эпитетного комплекса фольклорного типа на основе включения в его структуру глагольного слова дает поэту возможность охарактеризовать целую ситуацию: глагол выступает в качестве центрального элемента комплекса, причем часты сравнения левого и правого компонентов относительно глагола (фата, как туман или лик, как солнце).

Глагольный компонент также используется как своеобразное связующее звено между синонимичными или близкими понятиями, где сближение их семантик происходит на уровне фольклорного осмысления, рождается суммарная семантика: *Спор-заводили-беседу; в спор-вступили-схват*.

Глагол в составе блочного комплекса используется в различных морфологических формах настоящего времени (*наклоняет*), будущего (*свяжусь*) и прошедшего (*всколыхнулся*), что говорит об открытости ком-

понентов комплекса к изменчивости и о неустойчивости его структуры, возможности привносить новые элементы или трансформировать имеющиеся.

Единственным примером использования блока, эквивалентного предложению, может выступать фраза *Грудь-разломила-сталь* с подлежащим (*сталь*), сказуемым (*разломила*) и дополнением (*грудь*), где наблюдается выход за рамки собственно эпифразы.

На месте глагола-сказуемого в составе блочного комплекса используется деепричастие: оно объединяет единое понятие, передавая нерасчлененное действие и объект действия: *И снится мне, – молвит // Лоб-глядя-чело, // Что красное солнце // На лоб мне сошло* [Там же. С. 388].

Это явление цветаевского идиолекта описано Л.В. Зубовой в рамках поэтического окказионализма. Нам представляется важным подчеркнуть эпифрастичность и образность таких выражений: блочный эпитет, способствуя ритмической стилизации текста под фольклорный сказ, «собирает» компоненты высказывания, обеспечивая их спаянность. Фольклорные поэмы, в которых используется блочный эпитет, дают основание говорить о доминировании признаковой номинации нечистой силы и главных героев.

Тем не менее, несмотря на стилизованность и фольклорность данных эпитетных комплексов, нельзя не сказать об их особой образности и неповторимости, несводимости просто к постоянным эпитетам или их разновидностям – идеалистическому, формульному и т.д. Единое нерасчлененное действие, быстрое, молниеносное, сложное, оформлено в единое высказывание, которое и по форме призвано передать эту динамичность образа, его неустойчивость и интенсивность проявления: *в спор-вступили-схват*.

1.2. Местоименные блочные эпитетные комплексы ситуативной семантики (34 единицы). Данная структура возникает также в результате дистантного расположения определяемого слова и эпитета-приложения, когда они разделены местоимением, имеющим разные синтаксические функции (определения, дополнения, подлежащего) и разную синтаксическую зависимость.

Основная функция употребления блочного, спаянного местоименного эпитетного блока состоит в подчеркивании нерасчлененной, синкретичной характеристики объекта: в каталог его свойств попадает ситуативный атрибут в виде обращения (*царь-мой-лебедь или Царь-ты-Дева*). Местоимения в составе комплекса стоят как в именительном падеже, так и, что значительно чаще, в косвенных падежах, что свидетельствует о нерасчлененности высказывания, функционировании его как единого, спаянного комплекса, но с возможностью изменения местоименного компонента (застывшая конкретная форма высказывания).

Местоименный компонент, разрывающий аппозитивное выражение, может выступать в функции:

– определения: *То спесь-ее-льдина // Слезой возшла* [Там же. С. 399]; *Вспыхнул пуще корольков-своих-бус* [Там же. С. 395]; *Лежит цвет-наш-трезвенник, как пьяный какой...* [Там же. С. 403]; *Двум юнцам-своим-щечочкам, // Морячочкам-морьякам...* [Там же. С. 790];

– дополнения: *Повели, чтоб тем же часом / Вихря-мне-коня седлали* [Там же. С. 351]; *Весь кафтан-ему-шнуровку / Расстегнула на груди* [Там же. С. 387]; *В ковры-вам-подстилки // Вину велю течь!* [Там же. С. 390];

– обращения: *Ври, дурь-ты-деревня...* [Там же. С. 392].

Как видно из приведенных примеров, поэт использует в большей степени личные местоимения (*вы, ты, мне*), а также притяжательные (*свой, наши*). Автор подчеркивает свое отношение к адресату, а также напрямую обращается к нему.

Семантические отношения между компонентами местоименного блока самые разнообразные: это и характеристика объектов, иногда с элементами сравнения (конь, как вихрь; юные, как щенки), и образная, метафорическая интерпретация (слезы – льдины спеси).

Особенностью цветаевского идиолекта в ее произведениях, стилизованных под фольклор, является использование блока эпитетов в целях эвфемистической замены определяемого понятия, которое ощущается поэтом как своеобразное табу. Табуируются следующие понятия:

1) нечистая сила. Чёрта М. Цветаева именует *не-наш, сам-сам*; нечисть получает эпитетное наименование перифрастического характера: *сброд красен-незван, гости нетаковские, слободские*. Данные эпитеты построены по модели фольклорных формул с той лишь разницей, что сами признаки, положенные в основу эвфемизмов-блоков, выбираются автором произвольно;

2) змей. Змей получает следующие характеристики: *зверь-он-яр, летун-хапун*;

3) небо. Особое место в фольклорных поэмах М. Цветаевой занимает образная аппозитивная блочная номинация неба как символа Высших Сил, Того Света. Это такие номинации, как *Зорь-Лазаревна, Синь-Озеровна, Синь-Ладановна, Высь-Ястребовна, Сгинь-Бережок, ладонь-глубизна*. В эпитетах отражается идея зеркальности миров (*ладонь-глубизна*), патронимическая персонификация, внешний облик небес (*лазорь*), морбиальные свойства (*Синь-Савановна, Глыбь-Яхонтовна, Синь-Ладановна*); причем сама

лексема «небо» заменяется метонимическими обозначениями «высь», «синь». Единичной номинацией любви патронимического типа средствами блочного эпитетного комплекса является эпитет-аппозитив *Знобь-Тумановна*.

Редкими, но экспрессивными блочными эпифразами являются трех- и четырехкомпонентные единицы: *Вихрь-жар-град-гром была, – / За все наказана!* [Там же. С. 389]; *Лоб-ему-грудь-плеча // Крестит на сон ночной* [Там же. С. 401]; *Крылышек промежду // Грудку-взял-ей-стан* [Там же. С. 399]; *Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный* [Там же. С. 409]; *Подымайтесь, воры-коришуны-мятежники!* [Там же. С. 393].

Остановимся на них немного подробнее. Такого рода эпитеты представляют собой именно *эпитетный комплекс*, поскольку имеют в своем составе несколько слов (корней) и развернутую, сложную семантику. Компоненты таких блоков эпитетов как бы точно, дискретно номинируют составляющие элементы той или иной актуальной для поэта ситуации. Так *вихрь, жар, град, гром* имеют общую семантику «проявление силы природы, стихий». Функции многокомпонентных эпитетов и отношения между компонентами могут быть следующими:

– полнота описания ситуации или элементов объекта (*лоб, грудь, плечо*);

– перечисление важных для автора компонентов ситуации, своеобразная образная каталогизация реалии; причем автор сам очень ситуативно, избирательно подбирает признаки предмета, эмоционально, «безмерно», как всегда у М. Цветаевой;

– нагнетание, градация, усиление признаков компонентов ситуации (*воры, коришуны, мятежники*) в сочетании с экспрессивным обращением к лицу.

Итак, блочный эпитетный комплекс – это спаянный эпитетный аппозитивный ряд с дистантным положением эпитета и определяемого слова, выполняющий функцию фольклорной стилизации. Для творческого почерка Марины Цветаевой данный тип эпитета является важной чертой идиостиля, проявлением внимания к сложному осмыслению реалий действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: структурный и семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 234 с.
2. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Аспект Пресс, 1996. Т. 3.
3. Лопутько О.П. Постоянный эпитет и история прилагательных // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 81–85.
4. Громова А.В. Регулятивный потенциал прилагательных в поэтическом дискурсе М. Цветаевой : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 28 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 августа 2014 г.

THE BLOCK EPITHET IN THE WORKS OF MARINA TSVETAEVA

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 6-9. DOI: 10.17223/15617793/388/1

Gubanov Sergey A. International Marker Institute (Samara, Russian Federation). E-mail: gubanov5@rambler.ru

Keywords: epithet; Marina Tsvetaeva; metonymy; discourse; idiolect; block epithet.

In the article the block epithet in M. Tsvetaeva's idiolect is considered; options of verbalization of block diagrams of block epithets in M. Tsvetaeva's texts and their unique semantics are characterized. It is established that the use of the block epithet by the poet allows a multidimensional description of a situation, object or person; it is developed to staticize figurative and occasional senses in adjectives; make an image evident and extensive. M. Tsvetaeva's judgment of reality occurs very emotionally, unexpectedly, therefore an attempt to describe the main types of block epithets is made. The block epithet complex is a uniform lexical-syntactic block

stylized by folklore epithet which includes the defined word and the epithet, unextended and extended, giving a multidimensional description of the object. Components of the block are characterized by the semantic integrity of phrase components, their close cohesion. The author of the article offers this term for an adequate and complete description of such a complex phenomenon as it is necessary to describe both components of the attributive statement fully; it plays the central role in the phenomenon or object characteristic, bears evaluation and multidimensional judgment of this concept. Marina Tsvetaeva very often uses such configurations of adjectives and nouns, without dividing the attribute into components, which distinguishes her language from her contemporary poets. The extremely emotional judgment of reality leads to designing complex attributive words; their study is a topical problem of modern linguistics. The base for the block epithet is an appositive phrase including the defined word and the epithet-apposition, especially characteristic for the "folklore" cycle of M. Tsvetaeva's works. Creation of the block epithet complex of the folklore type by introducing the verb in its structure allows the poet to characterize the whole situation: the verb is the central element of the complex, comparisons of the left and right components in relation to the verb (a veil like fog or a face like the sun) are frequent. Pronouns as a part of the complex have both the Nominative and, which is much more often, oblique case forms, which proves that the statement is indivisible, it functions as a uniform, connected complex, but with a possibility of a change of the pronominal component (a set concrete form of the statement). The block epithet complex is a connected epithet appositive row with the distant position of the epithet and the defined word carrying out the function of folklore stylizations. For Marina Tsvetaeva's works this type of epithet is an important idiosyncrasy feature, attention to the complex judgment of life realities.

REFERENCES

1. Gubanov S.A. *Epitet v tvorchestve M.I. Tsvetaevoy: strukturnyy i semanticheskiy aspekt*. Dis. kand. filol. nauk [The epithet in the works of M.I. Tsvetaeva: structural and semantic aspect. Philology Cand. Diss.]. Samara, 2009. 234 p.
2. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works. In 7 vols.]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1996. Vol. 3.
3. Lopu'ko O.P. Postoyannyi epitet i istoriya prilagatel'nykh [Standing epithet and a history of adjectives]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2004, no. 5, pp. 81-85.
4. Gromova A.V. *Regulyativnyy potentsial prilagatel'nykh v poeticheskom diskurse M. Tsvetaevoy*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Regulatory potential of adjectives in the poetic discourse of M. Tsvetaeva. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2010. 28 p.

Received: 6 August 2014